

Петр Великий немедленно наказывает за небрежение

Петр Великий, хотя любил своего обер-кухмистра Фелтена и имел к нему доверенность, однако редко прощал ему проступки, сделанные с намерением или по небрежению. Фелтен, которого я знал в первом году по прибытии моем в Россию, будучи веселого нрава, не таил того, что государь иногда бивал его палкою из своих рук, но после по-прежнему поступал с ним милостиво. Некогда бывши в академической Кунсткамере, где хранится изображение Петра Великого в собственном его платье

со многими другими вещами, которые государь употреблял, и, увидев между прочим государеву трость, стоящую в углу, сказал он господину Шумахеру³³, своему зятю: «Эту мебель, зятюшка, можно бы и спрятать, чтобы она не всякому в глаза попадалась: может быть, у многих, так же, как и у меня, зачесется спина, когда они вспомнят, как она прежде у них по спине танцевала».

Сам же он рассказывал о себе, как некогда побит был сею палкою за кусок лимбургского сыру.

Петр Великий, по голландскому обычаю, кушал после обеда масло и сыр; особливо ж любил он лимбургский сыр, который ему отменно понравился. Заметивши прежде, что редко подавали в другой раз на стол початые сыры либо подавали иногда небольшие только остатки, вынял он из кармана математический свой инструмент, вымерял остаток сего сыру и записал его меру в записной книжке; Фелтен не был тогда при столе, а как он после вошел, то государь сказал ему: «Этот сыр отменно хорош и мне очень понравился; спрячь его, не давай никому и ставь его всегда на стол, пока он изойдет». По сему приказанию на другой день сыр подан был на стол, но, по несчастью обер-кухмистра, не осталось уже и половины. Государь тотчас приметил сие, вынял записную свою книжку и масштаб, вымерял остаток сыру и нашел, что половина того, сколько снято было со стола, была съедена. Он приказал позвать обер-кухмистра и спросил: отчего столько убыло сыру со вчерашнего дня? Фелтен отвечал, что он этого не знает, ибо он его не мерял. «А я его вымерял», — сказал император и, приложивши масштаб, показал ему, что половины сыра не доставало. Потом его величество еще спросил, не приказывал ли он ему спрятать этот сыр? «Так, — отвечал Фелтен, — но я это позабыл». — «Погоди ж, я тебе напомним», — сказал государь, встал из-за стола, схватил свою трость и, поколотивши ею обер-кухмистра, сел опять за стол и кушал спокойно свой сыр, которого остатки после того еще несколько дней подаваемы были на стол.